

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильевского и **В. Э. Регеля**
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Сиб. Университета.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. | К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. | К. Л. Ricker, Königsstr. 20.

Авары, а не Русскіе, Θεодоръ, а не Георгій.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Х. М. ЛОПАРЕВА.

Въ послѣднемъ выпускѣ Византійскаго Временника за минувшій (1895) годъ была помѣщена статья нашего уважаемаго сотрудника, Х. М. Лопарева, «Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію въ 860 году». Ревностный и неутомимый изыскатель, успѣвшій связать свое имя съ нѣсколькими счастливыми находками въ области древней и старинной русской письменности, а также и византійской, обратилъ свое пытлиное вниманіе на одинъ памятникъ церковнаго краснорѣчія, хотя уже давно изданный въ греческомъ подлинномъ текстѣ, но недостаточно разъясненный, а за тѣмъ совсѣмъ почти забытый. Ученые прошлыхъ вѣковъ относили его довольно единодушно къ VII вѣку, но при этомъ пускались въ разнорѣчивыя и сомнительныя догадки объ авторѣ, которому усвоивали имя Георгія; самое содержаніе памятника для нихъ не было настолько ясно, чтобы они могли дать ему совершенно очевидное историческое приуроченіе. Вслѣдствіе того ихъ позднѣйшій, многосвѣдущій и достойный соревнователь, представитель возникавшей русской учености, преосвящ. Филаретъ Черниговскій — напелъ возможнымъ дать такое истолкованіе смыслу памятника, которое неожиданнымъ образомъ связывало его съ первою страницей русской исторіи. Однако, мнѣніе преосв. Филарета, высказанное имъ первоначально въ 1864 году и повторенное затѣмъ неоднократно¹⁾, было, какъ выражается г. Лопаревъ, почему-то «за-

1) Х. М. Лопаревъ цитуетъ «Историческій обзоръ пѣсноцѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви». Черниговъ, 1864. Но мы находимъ то же самое въ «Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви» — какъ въ первомъ изданіи, такъ и во второмъ — посмертномъ — 1882 года (т. II, 260 стр.).

терто и съ тѣхъ поръ не пускалось въ оборотъ въ ученой литературѣ». Выдвинувъ снова неразрѣшимый вопросъ, Х. М. Лопаревъ уже тѣмъ облегчилъ его обсужденіе, что сдѣлалъ доступнымъ для всѣхъ желающихъ греческій первоначальный текстъ памятника, что снабдилъ его русскимъ переводомъ. Мало того, при помощи заграничныхъ ученыхъ знакомствъ и сношеній, онъ провѣрилъ оригинальный текстъ Слова — въ той его части, которая представляла наибольшій интересъ, — по рукописямъ, недоступнымъ для первоначальнаго издателя (Комбефиса). И того мало, онъ привлекъ къ дѣлу и впервые напечаталъ старославянскіе переводы отрывка по двумъ спискамъ XVI—XVII вѣка. Эти славянскіе переводы имѣютъ, конечно, значеніе особыхъ списковъ подлинника; своимъ свидѣтельствомъ они устраняютъ возможность какихъ-либо излишнихъ предположеній о пропускахъ и лакунахъ — въ мѣстахъ, которыя иначе казались бы подозрительными по своей неясности. Сверхъ перевода и текстовъ есть еще собственное изслѣдованіе, въ которомъ Х. М. Лопаревъ представилъ много весьма цѣнныхъ указаній; между ними есть такія, которыя прямо ведутъ къ окончательному рѣшенію вопроса объ авторѣ и о времени написанія Слова, слѣдовательно и о самомъ его историческомъ приуроченіи. Къ сожалѣнію, мы находимъ, что, напавъ на вѣрныя слѣды, Х. М. Лопаревъ, все-таки не пошелъ по нимъ; увлеченный примѣромъ и авторитетомъ преосвящ. Филарета, онъ сбился въ сторону отъ прямой дороги. Несмотря на новую очень ученую обстановку, мнѣніе преосвящ. Филарета не можетъ быть принято.

Первая ошибка изслѣдованія, помѣщеннаго въ Византійскомъ Временникѣ, имѣетъ нѣсколько методологической характеръ и заключается въ томъ, что не было сдѣлано систематическаго и полнаго сопоставленія той части Слова, которая можетъ быть приурочиваема къ первому нашествію Руси на Царьградъ, съ другимъ подлиннѣйшимъ памятникомъ, несомнѣнно относящимся къ этому событію, то есть съ Бесѣдою патріарха Фотія «На нашествіе Руси». Обращается вниманіе на частности, на отдѣльныя черты и элементы разсказа, сходныя въ томъ и другомъ источникѣ, а нуженъ былъ такой послѣдовательный анализъ, который обнаруживалъ бы внутреннее построеніе каждаго и соотношеніе частей въ томъ и другомъ по связи хронологической и логической, а тѣмъ самымъ — единство или различіе цѣльнаго историческаго содержанія. Отдѣльные признаки сходства значатъ мало, когда требуется доказательство тождества; тутъ нужно, чтобы самый

порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ, былъ и здѣсь и тамъ одинаковъ. Однимъ словомъ, Х. М. Лопаревъ долженъ былъ показать, что въ обоихъ сообщеніяхъ или прямо обнаруживается или по крайней мѣрѣ предполагается и одинаковое начало и то же самое развитіе событій.

Въ Словѣ на положеніе Ризы Богоматери положеніе и ходъ дѣла представляется въ такомъ видѣ: Византія угрожалъ страшный и опасный врагъ, но царь надѣялся на помощь Божию и защиту Богородицы; онъ по этому съ довѣріемъ принялъ предложеніе грознаго «предводителя столь многихъ народовъ», когда тотъ вызывалъ его на свиданіе для *утвержденія состоявшагося мирнаго соглашенія*. Къ чему повело это свиданіе и состоялось ли оно въ дѣйствительности, ораторъ не нашелъ нужнымъ или удобнымъ рассказывать въ своемъ торжественномъ Словѣ, отсылая къ другимъ сочиненіямъ, въ которыхъ, слѣдовательно, на сей счетъ предполагалось нѣчто значительное и знаменательное; онъ отговаривается тѣмъ, что подразумѣваемый эпизодъ не относится непосредственно къ предмету его рѣчи. За то дальнѣйшее прямо входитъ въ составъ темы. Рисуется ужасъ, наведенный на столицу приближеніемъ враговъ и опустошеніемъ окрестностей; царь со слезами молился во храмѣ Богородицы близъ Золотыхъ воротъ. Когда враги распространились передъ городскою стѣною и стали все грабить, не отличая святое отъ мірскаго, то своевременно, еще *въ началѣ распространенія губительной болѣзни*, благомыслящимъ людямъ пришла на умъ забота о сохраненіи находившейся въ Влахернскомъ храмѣ Ризы или одежды Богоматери: этой святыни, очевидно, угрожала наиболѣе близкая опасность отъ враговъ. Подробно описывается процедура извлеченія святыни — въ присутствіи царя и съ участіемъ патріарха — изъ заключавшей ее раки и за тѣмъ перенесеніе ея въ безопасное мѣсто — внутрь города, въ храмъ Св. Софіи. Она остается тамъ до удаленія враговъ. Возвращеніе ея на старое мѣсто въ торжественной процессіи, съ царемъ и патріархомъ во главѣ, составляетъ главное содержаніе Церковнаго Слова; ораторъ не забылъ сообщить, что въ воспоминаніе именно этого новаго положенія Ризы Богородицы постановлено было въ соотвѣтствующій день совершать ежегодно церковное празднество во Влахернахъ. О томъ, чтобы Ризу Богоматери носили вокругъ по стѣнамъ для отвращенія опасности, угрожавшей городу, совсѣмъ нѣтъ рѣчи. Можно сказать, что здѣсь не Риза Богоматери спасаетъ, а ее спасаютъ; ее удаляютъ изъ

болѣе доступнаго врагамъ мѣста при появленіи ихъ въ виду городскихъ стѣнъ, и возвращаютъ на старое мѣсто, когда враги ушли и опасность миновала. Иначе представляется сущность и послѣдовательность всего въ Бесѣдѣ Фотія. Нападеніе враговъ совершенно неожиданно, внезапно; никакихъ предварительныхъ переговоровъ и сношеній Руси съ Греками предъ тѣмъ не было; когда они приблизились къ столицѣ, царь отсутствовалъ, находясь въ походѣ противъ другихъ отдаленныхъ непріятелей; о мѣрахъ для охраненія Влахернской святыни нѣтъ ни малѣйшаго намека, не ее спасаютъ, а ею пользуются какъ надежною охраною противъ враговъ и носятъ ее по стѣнамъ вокругъ столицы, при чемъ процессія идетъ, конечно, не отъ Св. Софіи къ Влахернамъ, что было бы внутри города; отступление враговъ не предшествуетъ процессіи, а слѣдуетъ за нею и т. д. Останавливаться ли послѣ этого на той характеристикѣ непріятельскаго вождя въ Церковномъ Словѣ, которая такъ затрудняла и смущала самаго Х. М. Лопарева? Важно не то, что предводитель одинъ, а русскихъ предводителей при нашествіи 860 года было двое, а скорѣе то, что у Фотія настойчиво выставляется на видъ ничтожество единичнаго народца, явившагося дерзко предъ христіанскою столицею, въ Церковномъ же Словѣ говорится о *вождѣ столь многихъ народовъ*.

2) Итакъ въ Словѣ и въ Бесѣдѣ говорится о двухъ различныхъ событіяхъ. Что двѣ осады города, описываемыя здѣсь и тамъ, относятся и къ различнымъ эпохамъ, на это также есть довольно выразительный намекъ. Важна именно та черта предполагаемой незащитности Влахернскаго храма, которая характеристично проявляется въ Словѣ на положеніе Ризы и отсутствуетъ въ Бесѣдѣ Фотія. Когда Влахернскій храмъ со своею святынею былъ также защищенъ стѣною, какъ и другія части города, когда онъ находился внутри надежной ограды, тогда не было необходимости при видѣ враговъ прежде всего думать объ удаленіи его сокровищъ въ другое мѣсто, что по отношенію къ Святой Ракѣ представляло, какъ видно изъ Слова, большія затрудненія и неудобства. Но въ первоначальный періодъ своего существованія Влахернскій не былъ храмъ въ такомъ защищенномъ положеніи; въ продолженіи 170 лѣтъ послѣ постройки онъ оставался внѣ городскихъ стѣнъ, внѣ системы оборонительныхъ сооружений, возведенныхъ при царѣ Θεодосіѣ II-мъ. Только при царѣ Иракліѣ, послѣ большаго аварскаго нашествія лѣтомъ 626-го года, сѣверо-восточная выемка между Θεодосіевою стѣною и Золотымъ

Рогомъ, гдѣ находился храмъ Богоматери, была обнесена особою стѣною, которая и получила названіе Иракліевой. Въ Пасхальной хроникѣ подь шестнадцатымъ годомъ правленія Ираклія (= 627) мы читаемъ (Chron. Pasch., Paris p. 397. Вонп., p. 726): «въ этомъ году выстроена стѣна около дома госпожи нашей Богородицы», при чемъ слѣдуетъ прибавка, сообщающая болѣе подробности: «построена стѣна во Влахернѣ, и заключенъ былъ внутри храмъ Пресвятой Богородицы и святая рака, а прежде онъ былъ внѣ стѣны»¹⁾. Затѣмъ новыя работы съ цѣлю лучшей обороны Влахернъ совершались въ царствованіе императора Θεοφιλα (829—842), о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся до нынѣ надпись съ его именемъ²⁾. Левъ V армянинъ ранѣе того возвелъ новую стѣну еще далѣе на сѣверъ отъ Влахернскаго храма³⁾. Нужно думать, что за этою двойною оградю Влахернскій храмъ былъ обезпеченъ противъ хищничества враговъ, такъ что такія мѣры предосторожности, какія описываются въ Словѣ, были бы уже излишними. И въ самомъ дѣлѣ, когда подь столицю послѣ являлись болгарскія или же западныя крестоносныя полчища, не особенно расположенныя шадить христіанскую святыню, то они обыкновенно останавливались у *Κοσμιδία*, то есть у церкви Св. Безсребренниковъ Козьмы и Даміана, расположенной сѣвернѣе Влахернскаго храма. На основаніи вытекающихъ отсюда соображеній эпизодъ, описываемый въ Словѣ на положеніе Ризы, приходится относить ко времени аварскихъ нашествій, не позднѣе 626-го года.

3) X. М. Лопаревъ, обнаруживая широкую начитанность въ византійской литературѣ, старается опредѣлить отношенія къ изучаемому имъ слову на положеніе Ризы Богоматери другихъ однородныхъ памятниковъ, а также лѣтописныхъ сообщеній, касающихся предмета. При этомъ ему удалось напасть на одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ слѣдовъ, ведущихъ къ рѣшенію всего вопроса, о какихъ мы говорили въ началѣ. Онъ впервые указалъ, что общедоступный печатный текстъ

1) Ἐκτίσθη τὸ τεῖχος ἕξωθεν Βλαχερνῶν, καὶ ἀπεκλείσθη ἕσωθεν ὁ ναὸς τῆς παναγίας Θεοτόκου, καὶ ἡ ἀγία σορός. πρῶτην γὰρ ἕξωθεν τοῦ τεῖχους ἦν.

Прибавка въ Ватиканской рукописи приписана на полѣ болѣе новою рукою, и въ Бонскомъ изданіи помѣщена внизу страницы между вариантами. Ср. Nicerphor. De rebus post Mauric. gestis. pag. 18 ed. de Boor, 21 Вонп.

2) Mordtmann, Esquisse topographique de Constantinople (Lille, 1882), pag. 86. Ср. также приведенный въ статьѣ X. М. Лопарева текстъ изъ Повѣсти о Θεοφίλῳ, издавшой В. Э. Регелемъ (W. Regel, Analecta byzantino-russica, pag. 40. Визант. Врем. II, 613).

3) Mordtmann l. c. со ссылкой на хронику Симеона Магистра.

хроники Георгія Амартола (по изданію Муральта) при описаніи святыни, перенесенной нѣкогда въ Царьградъ, употребляетъ выраженія, явно заимствованныя изъ Церковнаго Слова—по свойственному этой хроникѣ приему мозаичныхъ вставокъ. Нашему изслѣдователю было хорошо извѣстно, что есть двѣ редакціи хроники Георгія: одна первоначальная, кончающаяся 842 годомъ и составленная по общепринятому мнѣнію ранѣе 860-го года, и другая позднѣйшая распространенная и продолженная до 948-го года. Распространенія, внесенныя въ первоначальный текстъ путемъ интерполяцій, Х. М. Лопаревъ, согласно съ результатами нашего изслѣдованія «о хроникѣ Логоета», готовъ усвоивать именно Симеону Логоету, жившему во второй половинѣ десятаго столѣтія. И вотъ теперь нужно было только поставить вопросъ, принадлежитъ заимствованный изъ Слова отрывокъ первоначальной редакціи хроники Георгія или же только позднѣйшей дополненной, чтобы получить ключъ къ разрѣшенію загадки. Если отголоски Слова найдутся въ первоначальной редакціи, то ясно будетъ, что Слово на положеніе Ризы сочинено ранѣе 860 года и никакъ не могло имѣть въ виду русскаго нашествія. Х. М. Лопаревъ утверждаетъ, что заимствование въ хроникѣ изъ Церковнаго Слова сдѣлано только интерполяторомъ, а не самимъ Георгіемъ, и признаемся, этимъ насъ нѣсколько удивляетъ. Онъ имѣлъ подъ рукою наше изслѣдованіе о Логоетѣ и отчасти имъ воспользовался, а въ этомъ изслѣдованіи тотъ именно параграфъ хроники Георгія, въ которомъ содержится упоминаніе о перенесеніи Богородичной Ризы въ Константинополь, отмѣченъ какъ §, принадлежащій къ первоначальному составу хроники Амартола. Это есть § 11 въ обзорѣніи царствованія Льва I-го: см. Muralt, Georg. Chron., pag. 512. На стр. 106-й нашего изслѣдованія, помѣщеннаго во второмъ томѣ Византійскаго Временника, сказано: «§ 11 принадлежитъ подобно предыдущему первоначальному тексту». Правда, указаніе наше могло показаться голословнымъ, но его легко было провѣрить и по статьѣ де-Боора, на которую мы тамъ ссылаемся, и другими совершенно доступными путями. Если бы Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ намъ запросъ, то мы не отказались бы дать разъясненія, которыя приводимъ теперь—уже въ видѣ опроверженія. Онъ прежде всѣхъ другихъ долженъ былъ почувствовать всю важность своего заявленія по отношенію къ основной темѣ изслѣдованія; для другихъ, а въ томъ числѣ и для меня лично, она выяснилась только при внимательномъ чтеніи

уже печатнаго текста его статьи. Вотъ что я нахожу въ своихъ старыхъ замѣткахъ о разночтеніяхъ двухъ древнѣйшихъ Коаленевыхъ списковъ хроники Амартола сравнительно съ текстомъ Муральта:

Cod. Coislin. 310. Καὶ τῆς Θεοτόκου ἡ ἐσθῆς εὐρεθεῖσα ἐν Ἱερουσαλύμοις παρά τινι εὐλαβεστάτῃ γυναικὶ ἑβραίδι καὶ παρθένω ἱερῶς διαφυλαττομένη καὶ ἐν Κ. Π. ἀποκομισθεῖσα ἐν Βλαχέρναις ἀπετέθη, ἐνθα ὁ βασιλεὺς ναὸν οἰκοδομήσας τῆς θεομήτορος καὶ σωρὸν ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργυρίου κατασκευάσας κατέτετο ταύτην. ἦτις ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη καὶ ὁ στήμων ἑμοειδῆς καὶ ὁμόχροος ἀδιάφθορός ἐστι καὶ ἀδιάλυτος, μέχρι νῦν τὸ θαῦμα τῆς ἀειπαρθένου σαφῶς κηρύττουσα.

Съ самыми ничтожными отличіями тотъ же текстъ повторяется и въ *Coislin. 305.* ("Ἐνθα ὁ αὐτὸς βασιλεὺς.... ἀφθάρτως вмѣсто εὐφθάρτων, ἀλώβητος вмѣсто ἀδιάλυτος). Все это опять-таки съ нѣкоторыми неважными вариантами перешло и въ позднѣйшій распространенный текстъ хроники Амартола, вовсе не составляя въ немъ новости или вставки. Можно сказать только то, что сопоставленіе содержащагося въ Словѣ описанія Ризы (§ 12 стр. 604 у Лопарева): ἡ δὲ ἐσθῆς ἡ θεία ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη, καὶ ὁ στήμων γὰρ καὶ ἡ χροκὴ ἐρίον ἐστι ἑμοειδῆς καὶ ὁμόχροον и т. д.—не съ Муральтовскимъ текстомъ, а съ болѣе древнимъ рукописнымъ — еще ярче обличаетъ взаимное ихъ родство. Итакъ, Слово написано гораздо ранѣе 860-го года, потому что слѣды его отрываются въ первоначальной редакціи хроники Георгія монаха¹⁾.

4) X. M. Лопаревъ (стр. 586) пишетъ, что вопросъ объ имени автора Слова пока не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Напрасная скромность! На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имъ собраны, вопросъ теперь можетъ быть рѣшенъ съ полною несомнѣнностью. Мы видимъ (стр. 584), что соображеніе, по которому Комбефисъ, первый издатель, приписалъ Слово *Георгію* Никомидійскому, имѣло весьма шаткую опору. Въ единственной рукописи, которая была у Комбефиса, въ заглавіи нѣтъ имени автора, а только въ оглавленіи кодекса это произведеніе помѣщено въ числѣ сочиненій Георгія — посредствомъ отмѣтки τοῦ αὐτοῦ (того же). Очень хорошо извѣстно, что такія позднѣйшія оглавленія часто бываютъ обманчивы — и нѣтъ

1) Чтобы въ Повѣсти о Теофилѣ (*W. Regel, Analecta byzantino-russica*, p. 40) были заимствованія изъ церковнаго Слова, этого мы не находимъ; иначе тутъ былъ бы новый аргументъ въ пользу древности послѣдняго, ибо все царствованіе Теофила въ одномъ изъ Коаленевыхъ списковъ подлиннаго Амартола изложено по Повѣсти.

нужды разяснять, почему. Теперь Х. М. Лопаревъ приводитъ цѣлый рядъ кодексовъ, въ которыхъ Слово читается съ опредѣленнымъ именемъ автора, стоящимъ предъ самымъ началомъ текста. Въ Баварскомъ сборникѣ, въ Туринскомъ, въ трехъ Аеонскихъ — Ватопедскомъ, Иверскомъ, Лаврскомъ—авторомъ называется *Θεοδότης* (пресвитерь Великой церкви и) *Синкеллъ*. На Аеонскіе списки указаніе дѣлается впервые—впрочемъ со ссылкой на недавно появившееся на новогреческомъ языкѣ изданіе житій святыхъ Дукаки (Синаксаристъ). Оно можетъ быть провѣрено и подкрѣплено еще болѣе новымъ каталогомъ Аеонскихъ библиотекъ, первая часть котораго появилась въ Англіи¹⁾. Всюду называется Θεοδότης. Х. М. Лопаревъ опять пошелъ противъ своихъ лучшихъ свѣдѣній, оставаясь при старыхъ авторитетахъ, державшихся имени Георгія по традиціи и по скудости данныхъ, теперь восполненной. Онъ думаетъ, что въ числѣ извѣстныхъ ему Θεοδοτώνъ, бывшихъ синкеллами, трудно было бы отыскать подходящее лице, современное тому или другому нашествію враговъ на Царьградъ и потому способное описать событіе въ качествѣ очевидца. Но несомнѣнно, есть одинъ Θεοδοτὴς синкеллъ, хотя и опускаемый всѣми изъ виду, но бывший и современникомъ и очевидцемъ аварскаго нашествія при царѣ Иракліѣ въ 626-мъ году. Мы находимъ его въ числѣ пословъ, отправленныхъ для переговоровъ къ кагану, по его требованію, при самомъ началѣ осады. Въ *Πασχαλινῆς χρονικῆς* (pag. 394 Пар. 721 Вонп.) названы пять человекъ: Георгій патрикій, Θεοδοσίη патрикій и логоветъ, *Θεοδοτὴς βοιοφιλοβιτῆσις синкеллъ* — Θεοδωρὸς ὁ θεοφιλέστατος σύγκελλος — и еще двое другихъ менѣе значительныхъ: комментарисій и секретарь, *γραμματεὺς*. Если относить описываемое въ Словѣ нашествіе враговъ и послѣдовавшее временное перенесеніе Влахернской святыни въ Св. Софію ко времени Ираклія, на что уже имѣются основанія въ соображеніяхъ, касающихся состоянія сѣверной городской стѣны въ разныя эпохи, то этотъ *βοιοφιλοβιτῆσις* синкеллъ Θεοδοτὴς и будетъ тѣмъ пресвитеромъ Великой церкви и синкелломъ Θεοδοτόμъ, который именуется въ надписаніяхъ Слова на положеніе Ризы Богоматери. Кстати мы можемъ указать здѣсь другое произведеніе уже чисто историческаго характера, которое мы въ умѣ своемъ и въ рукописныхъ замѣткахъ

1) Catalogue of the Greek manuscripts of Mount Athos by *Spyr. P. Lambros*. Cambridge, 1895, I pag. 44 № 554. 24: Θεοδωρὸς πρεσβυτέρου μεγάλης ἐκκλησίας (Григоріата); pag. 346, № 3682, 17:—тоже самое надписаніе (Діонисіата).

давно приписывали именно Теодору Синкеллу. Разумѣемъ разсказъ о той же самой осадѣ Царьграда Аварами и Персами въ 626-мъ году, своею подробностью и наглядностью изображенія лицъ и обстановки даже превосходящій тоже весьма обширную повѣсть, вошедшую въ составъ Пасхальной хроники. Разсказъ этотъ изданъ довольно давно кардиналомъ *Man* (*Nova Patrum Bibliotheca. T. VI. Romae. 1853*), но обыкновенно имъ не пользуются историки, не исключая самыхъ внимательныхъ къ свидѣтельствамъ очевидцевъ¹⁾. И здѣсь сообщается о требованіи кагана, чтобы ему присланы были послы для выслушанія условій, на которыхъ онъ согласится пощадить городъ, но послы— въ количествѣ четырехъ — почему-то прямо не названы, трое обозначены прикровенно библейскими именами, а одинъ отмѣченъ намѣреннымъ умолчаніемъ. Молодой царь, сынъ Ираклія, остававшійся въ столицѣ при удаленіи отпа для похода внутрь Персін, послѣ совѣщанія съ патріархомъ, *посылаетъ Сомнана и Емакима и Иоаса (=Иосафата), а четвертаго я охотно обойду*, такъ какъ и Езекия послалъ

1) Подразумѣваемъ *Hanke, Weltgeschichte B. V, 34* и *Bury, History of later Roman empire II, 239*. При этомъ случаѣ будетъ кстати сдѣлать слѣдующее замѣчаніе, не лишнее важности. Изъ сравненія отдѣльной повѣсти, которую мы приписываемъ Теодору Синкеллу и которая была открыта и напечатана кардиналомъ *Man*, съ несомнѣнною наглядностью обнаруживается существованіе большаго пропуска въ сказаніи Пасхальной хроники, до сихъ поръ незамѣченнаго. По совершенно отчетливымъ отмѣткамъ въ повѣсти Синкелла, осада 626-го года продолжалась десять дней начавшись во вторникъ 29 июня (день недѣли указанъ въ сказаніи, а число мѣсяца въ Пасхальной хроникѣ). Въ Пасхальной хроникѣ разсказъ доведенъ до *понедѣльника* слѣдующей недѣли, что по повѣсти Теодора Синкелла есть седьмой день осады (=4 августа); восьмой день (5 августа), на который по Теодору Синкеллу падаетъ приготовленіе славянскихъ однодеревокъ, спущенныхъ потомъ въ Золотой рогъ, и девятый день (6 августа), ознаменованный упорною борьбой на сушѣ и на морѣ, совершенно пропущены въ Пасхальной хроникѣ; отъ утра понедѣльника она прямо переходитъ къ событіямъ послѣдняго дня осады, въ который по Синкеллу дѣйствительно произошло потопленіе славянскихъ судовъ въ Золотомъ Рогѣ противъ Влахерскаго храма; при этомъ въ Пасхальной хроникѣ дѣло представлено такъ, какъ будто въ понедѣльникъ (4 августа) не только спущены были и потоплены славянскія однодеревки, но послѣдовало и самое снятіе осады, которое на самомъ дѣлѣ приходится на 7-е августа, на четвергъ. Если всмотрѣться внимательно, то найдутся и грамматическіе слѣды лакуны, которую приходится считать довольно обширною. На стр. 724 (Вопп.) читается слѣдующее: τῇ οὖν νυκτὶ δευτέρᾳ (понедѣльника 4 августа) διαφασούσης ἠδυνήθησαν αὐτῶν μονόξυλα διαλαθεῖν τὴν σχολῆαν ἡμῶν καὶ περᾶσαι πρὸς τοὺς ἐπόντισαν καὶ κατέσφαξαν πάντας τοὺς ἐν τοῖς μονόξυλοις εὐρεθέντας Σκλάβους. (Въ понедѣльникъ, когда начало свѣтать, ихъ (славянъ) однодеревки успѣли пробраться мимо нашей сторожи и переплыть на другую сторону къ... потопили и перебили всѣхъ въ славянскихъ однодеревкахъ). Очевидно, что передъ словомъ ἐπόντισαν есть пропускъ, существительное къ члену τοὺς отсутствуетъ. Пропалъ, вѣроятно, цѣлый листъ оригинальной рукописи.

трехъ къ Рапсаку Вавилонскому: τὸν γὰρ τέταρτον ἐκὼν ὑπερβήσομαι, ἐπεὶ περ τρεῖς καὶ Ἐξελίας ἔστειλε πρὸς Ῥαψάκην τὸν βαβυλώνιον. Указаніе на четвертую книгу Царствъ (18, 12), откуда взяты и имена. Между тѣмъ авторъ повѣсти именно въ описаніи пребыванія пословъ у кагана говоритъ какъ очевидецъ: «мы сидѣли какого-то ужаснаго протей, демона въ образѣ человѣческомъ, отвратительнаго по виду и по своимъ повадкамъ. Какая нечистоплотность! Какая одежда! Что за постыдныя и ужасныя рѣчи мы слышали» и т. д. Кто же изъ четырехъ указанныхъ лицъ былъ авторомъ, выразившимъ общія чувства? Очевидно тотъ, который намѣренно скрылъ или же выдалъ себя прозрачнымъ оборотомъ умолчанія, а что это было лице духовное, можно догадываться и по характеру его литературныхъ приемовъ и по степени образованія, едва ли для мірскихъ сановниковъ тогда доступнаго. Къ церковнымъ сановникамъ изъ числа пословъ принадлежалъ только синкелгъ Θεодоръ¹⁾. И вотъ, благодаря указаніямъ въ статьѣ Х. М. Лопарева, которыми онъ самъ, къ сожалѣнію, не воспользовался, мы получаемъ живое лице съ правами на то, чтобы имя его было внесено въ исторію византійской исторической литературы. Θεодоръ Синкелгъ есть не только авторъ Слова на положеніе Ризы, но и авторъ особаго подробнаго сказанія объ осадѣ 626-го года.

Теперь намъ остается точнѣе опредѣлить моментъ, къ которому относится Слово. Повѣсть о нашествіи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ и постыдномъ ихъ отступленіи, изданная Май, посвящена страшному эпизоду іюльскихъ и августовскихъ дней 626-го года, но подробности, какія сообщаются въ Словѣ, не укладываются въ тѣ же самыя рамки — ни по содержанію, ни хронологически. Затрудненія, мѣшающія приурочивать Слово къ осадѣ 626-го года, отчасти выставлены на видъ Х. М. Лопаревымъ; они становятся еще значительнѣе теперь при сличеніи Слова съ этимъ другимъ произведеніемъ того же самаго автора, такъ какъ въ семъ послѣднемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на предшествовавшее нападенію свиданіе кагана съ царемъ, ни на перенесеніе Влахернской святыни внутрь города. Не говоримъ о томъ, что въ Словѣ, конечно, разумѣется дѣйстви-

1) Если сочинитель отдѣльнаго сказанія вмѣсто пяти насчитываетъ только четырехъ пословъ, то, вѣроятно, онъ совсѣмъ не причисляетъ къ посламъ простаго секретаря, грамматевса. Этимъ устраняется и предположеніе объ авторствѣ сего послѣдняго, которое иначе было бы возможно.

тельно правящій государь, а въ *Повѣсти* выступаетъ на сцену обладающій титуломъ, но не властію «младшій царь» (ὁ νεώτερος βασιλεύς). Однако всѣ недоумѣнія устраняются очень просто. Не нужно забывать, что нашествіе Аваровъ на Константинополь при Иракліѣ было не однажды, что осадѣ 626-го года предшествовалъ набѣгъ 619-го года, сопровождавшійся такими обстоятельствами, которыя достаточно могутъ объяснить мѣры, принятыя для спасенія Влахернской святыни. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ же подробныхъ сказаній объ этомъ эпизодѣ 619-го года, какъ повѣсть о 626-мъ годѣ, вставленная въ Пасхальную хронику и особое сказаніе о томъ же, изданное кардиналомъ Ман; стихотворное произведеніе Георгія Писиды объ Аварской войнѣ сосредоточиваетъ вниманіе тоже на позднѣйшемъ событіи. Вслѣдствіе того прямаго упоминанія собственно о перенесеніи Влахернской Ризы мы все-таки не встрѣтимъ, но моментъ, когда оно было весьма умѣстнымъ, можно отмѣтить и при наличныхъ данныхъ.

Вотъ что рассказываютъ составитель Пасхальной хроники и патріархъ Никифоръ въ своей исторіи, согласуясь въ общемъ и дополняя взаимно другъ друга въ подробностяхъ. Въ одиннадцатый годъ царствованія Ираклія, что соотвѣтствуетъ 619-му по Р. Х., предводитель аварской орды, наводившей въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній ужасъ на Византію, обратился къ царю Ираклію съ предложеніемъ личнаго свиданія для заключенія мира и для скрѣпленія дружбы и союза. Предложеніе было принято, назначено мѣсто для съѣзда вблизи такъ называемой *Длинной стѣны*, возведенной нѣкогда царемъ Анастасіемъ на разстояніи приблизительно 50 верстъ на западъ отъ столицы между Силиврией (Силиври) на Мраморномъ морѣ и Деркосомъ — на Черномъ. Въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня царь выѣхалъ изъ города, его сопровождала большая масса народа, имѣвшая совсѣмъ не воинственный, а мирный характеръ, такъ какъ состояла изъ землевладѣльцевъ и клириковъ, изъ столичныхъ лавочниковъ и рабочихъ, изъ *димотовъ* обѣихъ партій цирка; предполагалось отпраздновать радостное событіе веселымъ коннымъ ристаніемъ и другими зрѣлищами. Каганъ съ своею ордою стоялъ по ту (отъ Константинополя) сторону Анастасіевой стѣны, по близости отъ нея, въ Гераклеѣ (Ески-Эрегли); Ираклію остановился въ Силиврии, за которою началась стѣна. Свиданіе должно было послѣдовать въ Гераклеѣ, но оно все-таки не состоялось. Царю дали знать, что противъ него устроена

засада, что въ лѣсистыхъ и холмистыхъ мѣстностяхъ около Длинной стѣны скрываются отряды варваровъ, предназначенные для того, чтобы обойти его сзади и захватить въ плѣнъ со всею свиткою. Вѣроятно и каганъ въ свою очередь догадался, что его замыселъ, если таковой существовалъ, выведенъ наружу, и что императоръ не явится. Какъ бы то ни было, въ назначенный для свиданія день — это было 5-е июня — утромъ каганъ выѣхалъ предъ своею ордою, подавъ знакъ своимъ хлыстомъ, и вся конная масса устремилась впередъ, за Длинную стѣну, только каганъ съ немногими остался позади ея. — Императоръ подвергался крайней опасности и спасъ свою жизнь только быстрымъ бѣгствомъ, которую сами византійцы приписываютъ постыдный характеръ; онъ перемѣнилъ царскую багряницу на простое и убогое рубище бѣдняка, а царскій вѣнецъ, чтобы не потерять его, привязалъ къ локтю руки. Вслѣдъ за нимъ въ томъ же день къ вечеру враги прискакали къ Золотымъ воротамъ и начали грабежъ окрестностей, который, конечно, продолжался не одинъ день. Уведена была въ плѣнъ громадная масса мирнаго населенія, добычей неприятеля сдѣлались всѣ принадлежности готовившагося позорища. Въ части города, прилегающей къ Влахернамъ, была ограблена расположенная отъ храма Богоматери далѣе на сѣверъ церковь Св. Козьмы и Даміана. Авары обошли сѣверную оконечность Золотаго Рога въ мѣстности нынѣшнихъ Сладкихъ водъ и разбойничали по ту его сторону — въ Перѣ; унесли всю утварь изъ храма Архангела и разбили въ куски самый святой престолъ (трапезу). О томъ, какъ удѣлѣла великая святыня близъ лежащей Влахернской церкви, въ хроникахъ ничего не сказано... Но за то совершенно понятными и ясными становятся побужденія, по которымъ авторъ Церковнаго Слова, указавъ на самоотверженіе императора въ надеждѣ на Божію помощь рѣшившагося на свиданіе съ вѣроломнымъ и свирѣпымъ врагомъ, не захотѣлъ останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ — до приближенія дикихъ полчищъ къ городскимъ стѣнамъ. Въ свою очередь его дальнѣйшія сообщенія о перенесеніи Ризы восполняютъ умолчаніе хроники и патріарха Никифора, занятыхъ преимущественно военно-политическими событіями. Такъ же какъ и другіе, Феодоръ Сипкеллъ хорошо былъ знакомъ съ разноплеменнымъ составомъ арміи аварскаго кагана и самъ въ другомъ сочиненіи говорилъ о славянахъ, находившихся подъ его державою. Отъ того каганъ у него — вождь столькихъ народовъ: *καθηρούμενος τῶσούτων ἔθνων*. Подъ патріархомъ ра-

зужьется Сергій, единогласно прославляемый всѣми, какъ свѣтильникъ вѣры и церкви. Все прочее не требуетъ объясненій.

Какъ мы теперь узнаемъ изъ недавно изданнаго древняго Типика (Устава) Константинопольской Великой церкви въ пятый, день іюня совершалась церковная литія въ воспоминаніе варварскаго нашествія¹⁾: набѣгъ 619-го года, значитъ, оставилъ по себѣ долгую память. Но послѣдованіе объ одеждѣ Пресвятой Дѣвы, хранящейся во Влахернахъ, относится и здѣсь, и въ другихъ подобныхъ книгахъ къ 2-му дню іюля, при чемъ объяснительное сказаніе гласитъ только о первоначальномъ положеніи Ризы при царѣ Львѣ. Литія совершается въ церкви *Св. Лаврентія* и затѣмъ во Влахернскомъ храмѣ²⁾, какъ это было и при второмъ положеніи въ 619 году. Слѣдовательно, Риза Богоматери оставалась въ храмѣ Св. Софіи въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, въ чемъ нѣтъ ничего страннаго. Что касается 25-го іюня, то въ этотъ день воспоминалось спасеніе города отъ Сарацинскаго нашествія, когда враги окружили городъ съ суши и моря. Къ русскому нашествію тутъ едва ли есть какое отношеніе: чтеніе *Σαρακηνῶν καὶ τῶν Ῥοῦν*³⁾ во второй части скорѣе всего простая не исправность рукописи, долженствующая исчезнуть, когда отыщется лучший манускриптъ. Не нужно увлекаться такими сомнительными призраками.

Прибавимъ, что во второе аварское нашествіе при Иракліѣ Риза Богоматери, повидимому, оставлена была на своемъ мѣстѣ, несмотря на то, что стѣны, ограждающей Влахернскій храмъ, еще не было. Правда, что при дошедшихъ до него извѣстіяхъ о новой опасности, угрожавшей столицѣ съ сѣвера, царь Ираклій, находившійся въ отдаленіи, рекомендовалъ въ числѣ прочихъ мѣръ — устройство рововъ и палисадовъ и даже возведеніе *новой стѣны* (Георгій Писида), но послѣднее требовало времени, которое нашлось только послѣ осады. Въ *Пасхальной хроникѣ* прямо замѣчено, что и на сей разъ была сожжена церковь Козьмы и Даміана во Влахернахъ и церковь Св. Николая; что же касается храма Богородицы и Св. Раки, то враги, хотя и вошли въ храмъ, но не сдѣлали никакого вреда⁴⁾; объясняется это заступленіемъ Св. Дѣвы, *такъ благоизволившей*.

1) А. Дмитриевскаго, *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока. Томъ I. Топикъ. Часть первая, стр. 78—79. Кіевъ, 1895.*

2) Тамъ же, стр. 86.

3) Тамъ же, стр. 83.

4) Chron. Paschal. p. 397 Paris. 726 Bonn.